

# СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ

## SOCIOLOGY OF HISTORY

Статья/Original article

УДК 37.014.544(470.56)

DOI: 10.18413/2312-3044-2025-12-3-252-265

EDN MGWXMR

### **Диагностика исторической культуры школьников Оренбургской области: анализ ценностных ориентаций и исторических представлений**

**Любичанковский С.В.**

Оренбургский государственный педагогический университет,  
460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19, Россия

E-mail: [svlubich@yandex.ru](mailto:svlubich@yandex.ru)

**Аннотация.** В статье представлены результаты диагностики уровня исторической культуры учащихся школ и учреждений среднего профессионального образования Оренбургской области. На основе анализа ответов 305 респондентов раскрываются ключевые особенности исторического сознания современной молодежи: преобладание этатистско-патриотического нарратива, сложное, но в целом позитивно-конструктивное восприятие спорных страниц истории, а также ярко выраженная региональная идентичность, основанная на идее межкультурного диалога. Исследование выявляет неоднородность исторических представлений и доминирование установки на «извлечение уроков» из истории, что свидетельствует о достаточно высоком уровне рефлексивности.

**Ключевые слова:** историческая культура, историческое сознание, историческое образование, региональная идентичность, патриотизм, Оренбургская область, диагностика, школьники.

**Для цитирования:** Любичанковский С.В. 2025. Диагностика исторической культуры школьников Оренбургской области: анализ ценностных ориентаций и исторических представлений.

Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 12 (3): 252-265. DOI: 10.18413/2312-3044-2025-12-3-252-265.

**Copyright:** © 2025 Любичанковский С.В. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

## **Diagnostics of Historical Culture of Schoolchildren in the Orenburg Region: Analysis into Value Orientations and Historical Representations**

**Sergey V. Lyubichankovskiy**

Orenburg State Pedagogical University,  
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia  
E-mail: [svlubich@yandex.ru](mailto:svlubich@yandex.ru)

**Abstract.** The article presents the results of diagnosing the historical culture level in school pupils and students of secondary vocational education institutions in the Orenburg region. The analysis of the responses of 305 survey participants revealed the key features of the modern youth's historical consciousness: the predominance of the statist-patriotic narrative, a complex but generally positive and constructive perception of controversial pages in history, as well as a pronounced regional identity based on the idea of intercultural dialogue. The study reveals the heterogeneity of historical representations and the dominance of the mindset of "learning lessons" from history, which indicates a rather high level of reflexivity.

**Keywords:** historical culture, historical consciousness, historical education, history identity, patriotism, Orenburg region, diagnostics, schoolchildren.

**For citation:** Lyubichankovskiy S.V. 2025. Diagnostics of Historical Culture of Schoolchildren in the Orenburg Region: Analysis into Value Orientations and Historical Representations. Tractus aevorum: the evolution of socio-cultural and political spaces. 12(3): 252-265. DOI: 10.18413/2312-3044-2025-12-3-252-265.

### **Введение**

Историческая культура, понимаемая как совокупность способов осмысления, интерпретации и передачи прошлого, его интеграции в современный социальный опыт, является фундаментальным компонентом коллективной идентичности и ключевым элементом социализации подрастающего поколения<sup>1</sup>. Она не сводится к простой совокупности знаний о датах и событиях, а представляет собой сложный комплекс ценностных ориентаций, образов, символов и моделей понимания исторического процесса, которые определяют отношение общества к своему прошлому, настоящему и будущему<sup>2</sup>.

Изучение исторической культуры молодежи приобретает особую актуальность в современном мире, характеризующимся высокой динамикой социальных изменений, полидискурсивностью информационного пространства и обострением проблем формирования гражданской идентичности<sup>3</sup>. Школьный возраст является сензитивным периодом для становления системы ценностно-смысловых отношений к истории, которая во многом определяет гражданскую позицию личности, её способность к критическому осмыслению социальной реальности и культурному диалогу<sup>4</sup>.

Особенности исторического сознания и исторической памяти современных россиян, включая и молодых, уже не раз попадали в сферу научного внимания<sup>5</sup>. Диагностика уровня исторической культуры позволяет выявить не только фактологические лакуны в знаниях, но и доминирующие нарративы, способы осмысления ключевых событий, характер эмоционального отношения к прошлому и особенности исторической самоидентификации. Такой анализ предоставляет ценный материал для оценки эффективности существующих образовательных моделей и выработки стратегий развития исторического образования и патриотического воспитания, отвечающих вызовам времени.

Региональный аспект исследования исторической культуры представляется особенно значимым. Как отмечают исследователи, российская идентичность имеет многоуровневый характер, включая в себя общегосударственный (общероссийский) и региональный («малородинный») компоненты<sup>6</sup>. Оренбургская область, с её уникальным историческим путём в качестве «ворот в Азию», пограничного края, места взаимодействия и синтеза различных культур и традиций, представляет собой исключительно репрезентативную модель для изучения того, как общероссийские

---

<sup>1</sup> Савельева, Полетаев 2007, 45.

<sup>2</sup> Репина 2011, 7.

<sup>3</sup> Ракачев, Ракачева, Сергеев 2021; Ассман 2014.

<sup>4</sup> Вяземский, Стрелова 2003, 112.

<sup>5</sup> Талынова 2023; Корибицына 2023; Бойков, Меркушин 2003; Горшков, Шереги 2010.

<sup>6</sup> Тишков 2013, 89.

исторические сюжеты преломляются в локальном сознании и как формируется специфическая региональная идентичность.

**Целью** данного исследования является анализ специфики исторической культуры школьников и студентов колледжей Оренбургской области на основе данных анкетирования. В задачи входит:

1. Выявление ценностных доминант и основных нарративов в восприятии общероссийской истории.
2. Анализ особенностей осмысления ключевых исторических событий и травматичных периодов.
3. Определение характера и оснований региональной историко-культурной идентичности.
4. Оценка общего уровня рефлексивности и сложности исторического мышления респондентов.

Эмпирической базой исследования послужили результаты анонимного анкетирования, в котором в рамках реализации проекта Программы развития Оренбургского государственного педагогического университета «Школа исторического просвещения» (руководитель профессор С.В. Любичанковский) в сентябре 2025 года приняли участие 305 учащихся образовательных учреждений Оренбургской области. Методология анкетирования была направлена на фиксацию не только знаний, но и оценочных суждений, что позволяет реконструировать элементы исторической культуры исследуемой группы.

### **Предмет и методология исследования**

Основу данного исследования составила методология количественного социологического опроса с применением анкетирования как ключевого инструмента сбора эмпирических данных. Для диагностики был разработан специализированный опросник, включающий 15 закрытых вопросов с множественным выбором. Конструкция каждого вопроса преследовала цель выявить не только фактологическую осведомленность респондентов, но и, глубинные структуры их исторического сознания — типичные нарративы, ценностные ориентации и способы осмысления исторического процесса. Каждый вариант ответа был семантически нагружен и соответствовал определённому типу исторической культуры, что позволяет проводить содержательный анализ полученных распределений.

Так, вопрос о влиянии географического положения России предлагал четыре интерпретации. Вариант «Сделало её изолированной и отсталой от Европы» отражает вестернизаторский, критический взгляд на российскую историю, акцентирующий отсталость. Ответ «Заставляло постоянно укреплять государство для защиты» иллюстрирует классический этатистский нарратив, где история

понимается как перманентная мобилизация и укрепление государственности перед лицом внешних угроз. Вариант «Определило роль как моста между цивилизациями, но сделало управление сложной задачей» представляет более сложный, цивилизационный подход, признающий как особую роль страны, так и объективные трудности. Наконец, ответ «Не оказало влияния, главное — действия правителей» демонстрирует персонифицированное, волюнтаристское понимание истории, где абстрагируются от структурных факторов.

Вопрос о причинах реформ «сверху» был направлен на выявление представлений о социальной активности и роли власти. Ответ «Народ пассивен» указывает на патерналистский стереотип. Вариант «Единственный способ быстро модернизироваться в условиях отставания» раскрывает прагматическое, модернизационное оправдание авторитарных методов. Утверждение «Власть всегда лучше знала, что нужно» является прямым выражением этатистско-патерналистской установки. А вариант «Отсутствие сильных общественных институтов» свидетельствует о наличии системного, институционального анализа исторического процесса.

Особенно показательными были вопросы на отношение к сложным, травматичным периодам. В восприятии монголо-татарского ига варианты ответов выстраивались в спектр от чисто негативной оценки («время упадка и варварства») через конструктивистскую («тяжелый, но важный период») до релятивизации («союз с Ордой») и поиска долгосрочных последствий в менталитете. Подобная логика прослеживалась и в вопросе о распаде СССР, где ответы варьировались от позитивной оценки («обретение свободы») и негативной («геополитическая катастрофа») до наиболее рефлексивного, амбивалентного подхода, признающего сложность и неоднозначность последствий.

Центральным для диагностики ценностного отношения к истории стал вопрос о том, как следует относиться к спорным и трагическим страницам прошлого. Предложенные варианты охватывали ключевые модели работы с трудным прошлым: стратегию «гордиться, не делая акцента на плохом» (селективная позитивная идентичность), стратегию однозначного осуждения и морализации («называть преступлениями») как форму обеспечения недопущения, стратегию забвения («не стоит вспоминать») и, наконец, стратегию контекстуализации («понять в контексте эпохи»), которая отражает наиболее зрелый, исторический подход, избегающий как оправданий, так и модернизации — приложения современных этических стандартов к прошлому.

Блок вопросов, посвящённый региональной истории Оренбургского края, был нацелен на выявление специфики локальной идентичности. Варианты ответов о главном историческом наследии позволяли выбрать между военно-оборонительным нарративом

(«пограничная крепость»), аграрно-индустриальным («хозяйственный потенциал»), нарративом межкультурного взаимодействия («опыт мирного взаимодействия народов») и нарративом травмы («память о трагических событиях»). Аналогично, интерпретация понятия «степной перекрёсток» варьировалась от отрицания его смысла до признания роли торгово-культурного узла, напоминания о кочевых угрозах или основы особого открытого менталитета.

Выборка исследования составила 305 респондентов. Географический охват включил в себя преимущественно городские населенные пункты Оренбургской области, с наибольшим представительством городов Бузулук и Оренбург, что отражает городоцентричный характер доступной аудитории. Ядро выборки статистически значимо формируют две основные когорты: учащиеся 8–11 классов общеобразовательных школ (в возрасте примерно 14–17 лет) и студенты 1–2 курсов музколлежей (возраст 16–19 лет). Наличие в данных анкет с заведомо нерелевантными ответами (например, указание возраста «1488») свидетельствует об анонимности проведения опроса и, как следствие, о достаточно высокой степени достоверности большинства ответов, так как снижены риски социально-ожидаемого поведения. Таким образом, несмотря на некоторую разнородность, выборка репрезентирует ключевые сегменты учащейся молодёжи региона, предоставляя валидный материал для анализа особенностей их исторической культуры.

### **Результаты и их обсуждение**

#### *Макроисторический нарратив: этатизм, предопределенность и сложность*

Анализ ответов на вопросы общероссийского масштаба позволяет выявить систему устойчивых представлений о движущих силах и смыслах отечественной истории, сложившуюся в сознании большинства опрошенных. Эта система характеризуется преобладанием этатистского взгляда на исторический процесс, признанием его сложности и неоднозначности, а также тенденцией к поиску объективных, предопределяющих факторов в развитии страны.

Центральное место в историческом сознании респондентов занимает государство как главный субъект и гарант исторического развития. Это наглядно демонстрируют ответы на вопрос о влиянии географического положения. Почти половина опрошенных (45.9%) видят в нём определение особой роли России как «моста между цивилизациями», что указывает на усвоение цивилизационного подхода, акцентирующего не изоляцию, а связующую функцию страны. Однако ещё более показателен выбор 38.36% респондентов, связавших географию с постоянной необходимостью «укреплять государство для защиты от внешних угроз». Этот вариант напрямую отсылает к классическому этатистскому нарративу, в котором история

России предстает как перманентное преодоление вызовов через усиление властной вертикали и обороноспособности. Таким образом, для подавляющего большинства географический фактор выступает не просто фоном, а объективной детерминантой, предопределившей особый путь формирования мощной государственности.

Эта установка на оправдание сильной власти и её доминирующей роли получает дальнейшее развитие в ответах на вопрос о причинах масштабных реформ «сверху». Большинство (56.54%) выбирают прагматическое объяснение: такие реформы были «единственным способом быстро модернизировать страну в условиях отставания». Это отражает глубоко укоренённое в общественном сознании представление о России как о догоняющей цивилизации, вынужденной для сохранения суверенитета и места среди великих держав прибегать к ускоренным, директивным методам развития, инициируемым элитой. Данный взгляд легитимирует авторитарную модель модернизации как исторически обусловленную и единственно возможную в конкретных условиях. Меньшая, но значимая часть респондентов (17.65%) прямо утверждает, что «власть всегда лучше знала, что нужно», что является прямым выражением патерналистской установки. Лишь 14.05% указывают на институциональную причину — «отсутствие сильных независимых общественных институтов», — демонстрируя тем самым системное понимание исторического процесса.

Важным аспектом макроисторического нарратива является отношение к фигуре сильного лидера. Абсолютное большинство (59.67%) объясняют его важность не личными качествами, а сложившимся «культурным архетипом», обусловленным «необходимостью централизованного управления большой страной». Это свидетельствует о глубокой интериоризации идеи о том, что специфика управления Россией объективно порождает и требует сильного лидера, образ которого является функцией от территориального масштаба и внешних угроз. Данное представление снимает с личности ответственность за модель власти и переносит её на объективные обстоятельства, что снова указывает на детерминистический компонент исторического сознания.

Наряду с этатистской доминантой, анализ выявляет и значительный рефлексивный потенциал. На вопрос о понимании фразы «Россия — страна с непредсказуемым прошлым» лишь 18.42% респондентов выбрали циничную трактовку о постоянном «переписывании истории в угоду текущей власти». Напротив, подавляющее большинство (67.76%) увидели в этой фразе указание на «сложность и неоднозначность многих исторических событий, которые допускают разные трактовки». Это указывает на способность значительной части молодёжи признавать многомерность и полиинтерпретационность истории, что является признаком

достаточно зрелого исторического сознания, избегающего упрощённых, черно-белых схем. Лишь незначительное меньшинство считает историю запутанной (5.26%) или признает только один «правдивый вариант» (8.55%).

Таким образом, макроисторический нарратив, разделяемый большинством опрошенных, представляет собой синтез этатизма, признания объективной предопределенности выбора сильной власти и сложного, нелинейного характера исторического процесса. История России видится как путь постоянного укрепления государства, диктуемый внешними вызовами и внутренними масштабами, при этом само это развитие осознаётся как многогранное и допускающее различные оценки.

*Восприятие ключевых исторических событий: от поиска смысла к примирению*

Анализ восприятия конкретных исторических событий представляет сложный и многослойный характер исторического сознания опрошенных, в котором преобладает установка на поиск смысла и конструктивного урока даже в самых травматичных периодах, а также тенденция к примирению противоречивых нарративов. Это особенно ярко проявляется в оценках событий, занимающих ключевое место в национальной памяти.

Восприятие монголо-татарского ига служит ярким примером этой тенденции. Абсолютное большинство респондентов (69.41%) отвергает его однозначно негативную оценку как «времени полного упадка и варварства» (19.08%) и выбирает конструктивно-оправдательную трактовку, определяя его как «тяжелый, но важный период, который способствовал укреплению княжеской власти и объединению Руси». Этот выбор свидетельствует об усвоении официального исторического нарратива, в котором акцент смещается с переживания травмы на выявление позитивных, с точки зрения дальнейшего государственного строительства, последствий. Итог концептуализируется не как катастрофа, а как суровый исторический урок, закаливший русскую государственность и подготовивший ее к будущей имперской роли. Маргинальность вариантов о «просто союзе» (8.22%) и непосредственном влиянии на менталитет (3.29%) подчеркивает, что доминирует именно эта государственническая интерпретация, видящая в испытании зародыш будущего величия.

Ещё более показательной является интерпретация смысла Великой Отечественной войны. Здесь также доминирует не прагматичный или трагический, а сакрально-мобилизационный дискурс. Для 37.17% респондентов главный урок войны — это «сила России в её единстве и способности мобилизоваться перед лицом смертельной опасности». В этом прочитывается не только память о прошлом, но и актуальный рецепт национальной идеи на будущее. Почти равная по величине группа (45.07%) акцентирует мемориальный



аспект: «Это трагедия, которая никогда не должна повториться, и память о ней священна». Значимо, что маргинальными оказались взгляды, выпячивающие роль сильной армии (11.18%) или, тем более, ставящие под вопрос цену победы (6.58%). Это позволяет говорить о глубокой укорененности консенсуса вокруг войны как о центральном, консолидирующем и сакральном событии национальной истории, выполняющем важнейшую формирующую идентификацию функцию.

Напротив, оценка причин революций 1917 года демонстрирует преобладание структурного, а не конспирологического или персонифицированного осмысления. Почти две трети опрошенных (64.8%) видят корень трагедии в «глубоком кризисе старого режима, который не решал накопившиеся веками социальные и политические проблемы». Это взгляд, признающий объективный, системный характер кризиса, снимающий исключительную ответственность с иностранных заговорщиков (11.84%) или слабости императора (17.11%). Революция концептуализируется не как случайность (6.25%), а как закономерный коллапс нежизнеспособной системы, что указывает на наличие в историческом сознании элементов социально-исторического анализа.

Наиболее расколотым и, следовательно, наименее проработанным в коллективном сознании оказался вопрос о распаде СССР. Здесь мнения распределились практически на равные трети, что отражает отсутствие в обществе устоявшейся, общепризнанной оценки данного события. Четверть респондентов (25.57%) придерживаются официального нарратива о «крупнейшей геополитической катастрофе», другая значительная группа (21.64%) придерживается либеральной трактовки о «крушении тоталитарной системы и обретении свободы». При этом наибольшая группа (40.98%) занимает рефлексивную, амбивалентную позицию, осмысляя «сложный и неоднозначный процесс, который имел как положительные, так и крайне негативные последствия». Эта неспособность дать однозначную оценку ключевому событию недавнего прошлого хорошо подсвечивает его продолжающуюся болезненность и незавершенность процесса исторического осмысления.

Кульминацией тренда на поиск взвешенной оценки становится отношение к самым трудным страницам национальной истории, таким как сталинские репрессии и крепостное право. Абсолютное большинство (50.99%) выбирает стратегию контекстуализации: «их нужно пытаться понять в контексте эпохи, не оправдывая, но и не применяя современные мерки». Этот выбор отражает стремление к сложному, историчному взгляду, отвергающему как моральное осуждение по меркам сегодняшнего дня, так и попытки оправдания. Меньшие группы предпочитают стратегию осуждения (16.12%), забвения (14.8%) или избирательной памяти (18.09%). Доминирование контекстуального подхода свидетельствует о формировании у

значительной части молодёжи исторического сознания, способного к дистанцированию от презентизма и признания принципиальной инаковости прошлого.

#### *Специфика региональной исторической идентичности*

Региональный компонент исторического сознания учащихся Оренбургской области демонстрирует исключительно яркую, целостную и позитивно окрашенную идентичность, основанную не на изоляционизме или противостоянии, а на идее уникального культурного синтеза и соединительной миссии. Ответы респондентов рисуют образ малой родины как особого историко-культурного пространства, чье главное богатство заключено в многовековом опыте межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

Центральным элементом этой идентичности является осознание Оренбургского края как территории диалога. Это наглядно проявляется в ответе на вопрос о главном историческом наследии региона. Почти половина опрошенных (48.85%) выбирает вариант, подчёркивающий «уникальный опыт мирного взаимодействия и взаимовлияния разных народов, культур и религий». Этот выбор является ключевым. Он показывает, что в самооощении молодежи доминирует не военно-оборонительный нарратив («мощная пограничная крепость» — 23.61%), не хозяйственный («сельскохозяйственный и промышленный потенциал» — 21.64%) и не нарратив травмы («память о трагических событиях» — 5.9%), а именно культурно-цивилизационный нарратив. Прошлое региона осмысливается не через призму конфликтов и покорения, а через призму созидательного соседства и синтеза, что формирует исключительно позитивный и конструктивный образ.

Эта же идея находит мощное подтверждение в интерпретации характерных для региона метафор «степной перекресток» или «ворота в Азию». Абсолютное большинство (74.01%) однозначно отвергает их поэтическое, бессодержательное прочтение и видит в них сущностное отражение исторической роли края как места «торговых и культурных обменов, связующего звена между Европой и Азией». Таким образом, географический образ напрямую связывается с культурной миссией, а пограничность воспринимается не как периферийность, а как центральность, как преимущество и источник особой идентичности. Значимо, что образы кочевников-завоевателей (10.53%) и основанный на них особый «открытый менталитет» (5.92%) остаются на периферии, уступая место мирному, экономическому и культурному взаимодействию.

Интересную трансформацию в региональном сознании претерпевает и тема ссылки. Пребывание в оренбургской ссылке известных писателей и ученых (Пушкина, Даля, Шевченко) лишь для 10.53% респондентов является поводом для негативной самоидентификации («оказались в нашем «захолустье»). Для остальных

это событие становится предметом региональной гордости. Одна группа (31.25%) видит в этом трагедию для самих ссыльных, но «огромное культурное приобретение для нашего края», демонстрируя прагматичное осмысление исторической несправедливости как культурного выигрыша. Другая, более многочисленная (34.21%), интегрирует этот факт в общероссийский контекст, подчеркивая, что творчество, созданное здесь, «стало частью общероссийского культурного наследия». Это указывает на отсутствие комплекса периферии и уверенное встраивание локальной истории в общенациональный культурный канон.

Наиболее показательным является подход к памяти о внутренних конфликтах, таких как осада Оренбурга Пугачёвым и бои Гражданской войны. Здесь явно доминирует (57.43%) установка на примирение и деполитизацию памяти. Об этих событиях предлагается помнить «прежде всего как о трагедии, в которой брат шёл на брата, и извлекать уроки примирения». Такой выбор означает сознательный отход от традиционных оценочных нарративов — как провластного («славные победы над бунтовщиками» — 17.49%), так и частично реабилитационного («народные восстания против несправедливости» — 17.16%). Вместо этого утверждается надпартийный, общечеловеческий взгляд, акцентирующий общую трагедию и необходимость вынести из неё гуманистические уроки. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне зрелости исторического сознания, способного преодолевать идеологические расколы прошлого.

Наконец, личное переживание своей принадлежности к региону для подавляющего большинства респондентов (49.67%) является глубоко экзистенциальным и аполитичным — это просто «место, где я родился и живу, моя «малая родина». Еще 25.66% чувствуют более рефлексивную «связь с уникальной историей этого края, его традициями многонационального народа». Значительно меньшие группы осознают себя через ответственность за сохранение наследия (10.86%) или как часть сообщества, исторически укреплявшего рубежи страны (13.82%). Это указывает на то, что в основе региональной идентичности лежит не идеологическая конструкция, а глубоко личное, эмоциональное чувство принадлежности к месту и его культурному ландшафту, сформированному многовековым диалогом народов.

### **Заключение**

Проведённый анализ результатов анкетирования позволяет сделать вывод о сформированном, структурно сложном и в целом зрелом уровне исторической культуры среди учащейся молодёжи Оренбургской области. Полученные данные рисуют картину не пассивного усвоения заданных схем, а активного, в значительной степени рефлексивного процесса осмысления прошлого, в котором прослеживаются четкие ценностные и нарративные доминанты.

Центральным стержнем исторического сознания респондентов выступает этатистско-патриотический нарратив, в рамках которого история России предстает как непрерывный процесс преодоления внешних и внутренних вызовов через укрепление государственности и мобилизацию под руководством сильной власти. Этот взгляд, однако, не является упрощённым или исключительно апологетическим. Он сочетается с признанием сложности и многомерности исторического процесса, что проявляется в доминировании установки на контекстуальное понимание даже самых травматичных периодов национальной истории. Способность отказаться от черно-белых оценок, признать противоречивость последствий ключевых событий, таких как распад СССР, и стремление извлекать из прошлого уроки примирения, а не раскола, свидетельствует о значительном рефлексивном потенциале и формировании основ критического исторического мышления.

Важнейшим результатом исследования стало выявление ярко выраженной, позитивно окрашенной и конструктивной региональной идентичности. Учащиеся Оренбургской области осознают себя частью уникального культурно-исторического пространства, главным наследием которого является не военная слава или хозяйственные достижения, а многовековой успешный опыт межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Идея «степного перекрёстка» осмысливается как миссия связующего звена, моста между культурами, что формирует установку на открытость, диалог и толерантность. Этот прочный фундамент позитивной региональной идентичности, основанной на культурном синтезе, представляет собой мощный ресурс для формирования общероссийской гражданской идентичности, не нивелирующей местные особенности, а, напротив, выстраивающей на их основе общегосударственное единство.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные особенности опровергают стереотипы о пассивном и исключительно репродуктивном историческом сознании современной молодёжи. Полученные данные свидетельствуют об эффективности образовательных моделей, делающих акцент на гражданско-патриотическом воспитании, ценности многонационального единства и развитии критического мышления. Доминирование установки на «извлечение уроков» истории, а не на её простое заучивание или идеологизацию, указывает на верный вектор развития исторического образования — в сторону проблематизации, многоперспективности и диалога с прошлым. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть посвящены более глубокому качественному анализу механизмов формирования таких представлений, а также сравнительным исследованиям для выявления специфики исторической культуры молодежи в других регионах России.

### Библиография

- Ассман, А. 2014. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Бойков, В.Э., Меркушин, В.И. 2003. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования. *Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС* 2: 5-21.
- Вяземский, Е.Е., Стрелова, О.Ю. 2003. *Теория и методика преподавания истории: Учебник для вузов*. М.: Владос.
- Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. 2010. Историческое сознание молодежи. *Вестник Российской академии наук* 80 (3): 195-203.
- Коробицына, Л.В. 2023. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве. *История: факты и символы* 1 (34): 32-38.
- Ракачев, В.Н., Ракачева, Я.В., Сергеев, В.Н. 2021. Историческая культура: к вопросу теоретического осмысления феномена в зарубежной и отечественной науке. *Южно-российский журнал социальных наук* 22 (2): 124-142.
- Репина, Л.П. 2011. *Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: Кругъ.
- Савельева, И.М., Полетаев, А.В. 2007 *Теория исторического знания: Учеб. пособие*. СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга».
- Талтынова, Е.В. 2023. Советско-японская война 1945 года в исторической памяти студентов. *Tractus Aevorum* 10 (3): 345-356.
- Тишков, В.А. 2013. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М.: Наука.

### References

- Assman, A. 2014. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long shadow of the past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Bojkov, V.E., Merkushin, V.I. 2003. Istoricheskoe soznanie v sovremennom rossijskom obshchestve: sostoyanie i tendencii formirovaniya [Historical consciousness in modern Russian society: the state and trends of formation]. *Sociologiya vlasti: Vestnik Sociologicheskogo centra RAGS* 2: 5-21. (In Russian).
- Vyazemskij, E.E., Strelova, O.Yu. 2003. Teoriya i metodika prepodavaniya istorii: Uchebnik dlya vuzov [Theory and methods of teaching history: A textbook for universities]. Moscow: Vlados. (In Russian).
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. 2010. Istoricheskoe soznanie molodezhi [Historical consciousness of youth]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* 80 (3): 195-203. (In Russian).
- Korobicyna, L.V. 2023. Sohranenie istoricheskoy pamyati v sovremennom rossijskom obshchestve: k voprosu ob aktual'nom zakonodatel'stve [Preservation of historical memory in modern Russian society: on the issue of current legislation]. *Istoriya: fakty i simvol'y* 1 (34): 32-38. (In Russian).
- Rakachev, V.N., Rakacheva, Ya.V., Sergeev, V.N. 2021. Istoricheskaya kul'tura: k voprosu teoreticheskogo osmysleniya fenomena v zarubezhnoj i otechestvennoj nauke [Historical culture: on the issue of theoretical

- understanding of the phenomenon in foreign and domestic science]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* 22 (2): 124-142. (In Russian).
- Repina, L.P. 2011. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug". (In Russian).
- Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. 2007 Teoriya istoricheskogo znaniya: Ucheb. Posobie [Theory of historical knowledge: Textbook]. Saint Petersburg: Izd-vo «Aletejya. Istoricheskaya kniga». (In Russian).
- Taltynova, E.V. 2023. Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 goda v istoricheskoy pamyati studentov [The Soviet-Japanese war of 1945 in the historical memory of students]. *Tractus Aevorum* 10 (3): 345–356. (In Russian).
- Tishkov, V.A. 2013. Rossijskij narod: istoriya i smysl nacional'nogo samosoznaniya [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka. (In Russian).

### **Об авторе**

Любичанковский Сергей Валентинович, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия. ORCID: 0000-0001-8349-1359.

### **About the author**

Sergey V. Lyubichankovskiy, Head of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia. ORCID: 0000-0001-8349-1359.

Поступила в редакцию: 28.08.2025

Submitted: August 28, 2025

Принята к публикации: 11.09.2025

Accepted: September 11, 2025